

СОБОРНОСТЬ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КОЛЛЕКТИВИЗМУ

Т.И. Зайцева

Новосибирский государственный
технический университет,
Новосибирск, Россия

tatyanazaiceva@mail.ru

Отправной точкой для написания данной статьи послужили имеющие широкое распространение не только на уровне массового сознания, но и в исследовательской литературе представления о тождестве соборности и коллективизма (общинности). Цель статьи – показать ошибочность подобных воззрений. Исходная позиция автора состоит в том, что соборность и коллективизм относятся к двум разным традициям: если соборность, имея религиозное происхождение, связана с православным духовным опытом, то коллективизм – с социальным и политическим опытом. Обращается внимание на то, что в основе данного ошибочного утверждения лежит непонимание того, что соборность – это метафизическая реальность, а не социальность. Излагаются ключевые моменты концепта соборности в интерпретации А. Хомякова, также рассматривается развитие этой идеи в трудах С.А. Франка. Если коллективизм, абсолютизируя единство, «умалает» личность, тем самым уничтожая ее, то соборность, напротив, ее «расширяет», позволяя ей полностью раскрыться. Именно в соборности происходит подлинная самореализация человека, актуализация личности. Подчеркивается, что движение к соборности как высшей ступени развития человека происходит через утверждение индивидуальности. Делается вывод о том, что подобное радикальное сближение двух понятий – соборности и коллективизма (общинности) – влечет за собой различные сценарии будущего России.

Ключевые слова: соборность, личность, коллективизм, индивидуализм, единство, свобода.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-72-79

Сегодня много говорится о необходимости обращения к корням, приобщения к отечественному духовному опыту, опоре на традиционные ценности. В своих рассуждениях об отличительных особенностях России в сопоставлении ее с Западом не только исследователи, но и публицисты, а также политики определяют соборность в качестве одной из базовых ментальных характеристик россиян. Этот тезис не вызывает возражения. Серьезное возражение вызывает то, что соборность, рассматриваемая как противоположность западному индивидуализму, отождествляется при этом с коллективизмом (общинностью), что является в корне ошибочным утверждением.

Коллективизм как абсолютизация единства, примат общего, целого над частью – индивидуальностью – был основополагающей ценностью прежде всего советской эпохи. На быденном языке эта установка находила свое выражение в известной фразе «Не надо высовываться». Быть как все было нормой; выделяться же, будь то экстравагантная одежда или отличная от других точка зрения, – значило отходить от этой нормы. Конечно, коллективистские установки можно обнаружить и в другие периоды русской истории. Но связаны они, на мой взгляд, преимущественно с феноменом так называемой «русской власти», т. е. ее моноцен-

тризмом, ставкой на насилие как ключевой метод управления.

Что же касается соборности, то здесь имеет место быть связь совсем с другой традицией: важно отметить ее православное происхождение. С. Булгаков назвал соборность «душой православия». Именно православию, будучи государственной религией на протяжении почти тысячелетней истории, задали ценностные основания русской культуре, во многом определив вектор ее развития. Но, как известно, в советское время православная традиция была подвергнута жестокой дискриминации, в результате чего произошел радикальный разрыв с историческим прошлым, культурой, духовным опытом. И если этот разрыв не стал тотальным, то только благодаря великой русской литературе, которую большевики вопреки первоначальным намерениям все-таки не «сбросили с корабля современности», увидев в ней, видимо, то, что хотели увидеть, – серьезную критику царской власти, и просмотрев наличие в ней глубоких христианских (православных) смыслов.

Следует напомнить, что понятие соборности было сформулировано одним из теоретиков славянофильства А.С. Хомяковым. Его заслуга состоит в том, что он сумел перевести это понятие с религиозного языка на богословско-философский. Соборность – сложная философская категория, и сведение ее к коллективизму (общинности) – не просто упрощение и вульгаризация, но полное искажение ее смысла. Так, некоторые авторы умудряются найти соборность, например, в идеологии и практике народников, полагая также, что идея соборности не была чужда и большевикам [3].

Представляется, что в основе такого смешения понятий – абсолютное непо-

нимание того, что соборность – понятие метафизическое, неприменимое к социальной реальности. Этот аспект подчеркивал Г. Флоровский: «Соборность, в понимании Хомякова, это – не человеческая, а Божественная характеристика» [7, с. 277]. Современный философ и богослов, знаток православной традиции С.С. Хоружий также особое внимание обращает на сверхэмпирическую природу соборности, ее принадлежность к горизонту Божественного бытия [13]. Об этом же пишет исходя из христианских позиций пастор А. Черепанов в заслуживающей внимание статье «Общинность и соборность» [14].

Хомяков впервые употребил понятие соборности в философском смысле в статье по поводу речи иезуита о. Гагарина, который перевел термин *соборная* (церковь) словом *синодальная*, назвав это выражение темным неопределенным и не передающим смысл понятия всемирности. А.С. Хомяков на это заметил, что первоучители Кирилл и Мефодий для передачи греческого термина *кафолический* не случайно воспользовались словом *соборный*, а не перевели его как *всемирный* или *вселенский*, так как вкладывали в это слово не географический или этнографический, а несравненно более высокий смысл. Хомяков определяет соборность как «...идею единства во множестве» [12, с. 279]. Он подчеркивает, что не может быть и речи о принуждении к единству: «...напротив, она (*Церковь* – З.Т.) гнушается того и другого: ибо в делах веры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушание есть смерть» [12, с. 185, 186]. Поэтому усматривать истоки тоталитаризма в соборности, как это пытаются делать некоторые авторы, абсолютно беспочвенно [1, 2].

В своей фундаментальной работе «Церковь одна» Хомяков развивает свою мысль: «Единство Церкви следует необходимо из единства Бога, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божественной благодати, живущей во множестве разумных творений...» [12, с. 39], которая объединяет как ныне живущих, так и прошлое и будущее поколения. Под Церковью здесь понимается не учреждение, не система, а живой целостный богочеловеческий организм, в котором все люди связаны между собой в Боге.

А. Валицкий считает построения славянофилов близкими теории немецкого социолога Тённиса, который противопоставлял друг другу два типа, два идеала общества: органическое и механическое [5, с. 124]. Позиция же Хомякова принципиально отличается от концепции Тённиса: соборность для него не есть характеристика какой-либо исторической эпохи, страны или социального института, а есть сверхвременная, сверхисторическая духовная реальность как первооснова всего мира.

Поэтому отказываться идее соборности в ценности на том основании, что она на практике в России никогда не осуществлялась [6, с. 18], бессмысленно, ибо увидеть или осязать эту мистическую, сверхэмпирическую реальность невозможно, она недоступна рациональному познанию. Для этого необходимо, по мысли славянофилов, обладать духовным зрением, так как соборность создается духовными усилиями людей в их душах.

Некоторое проявление начала соборности в эмпирической реальности славянофилов усматривали в русской сельской общине. Известны упреки в адрес славянофилов по поводу идеализации ими общинного устройства России. С этим утверждени-

ем трудно не согласиться, но следует также иметь в виду, что славянофилы никогда не считали общину идеальным воплощением соборности, но только наибольшим историческим приближением к этому идеалу, тем более они никогда не отождествляли соборность и общинность между собой, поскольку эти феномены находятся по разные стороны горизонта.

В работе «По поводу Гумбольдта» Хомяков, по сути, дает еще одно определение соборности, уточняющее первое: «Христианство в полноте своего божественного учения предложило идеи единства и свободы, нераздельно связанные в нравственном законе взаимной любви» [11, с. 200]. Именно взаимная любовь преодолевает все разделения (территориальные, национальные, конфессиональные, культурные) и образует подлинное, живое единство, реальную общность. Но это единение не поверхностно-внешнее, а внутреннее, осуществляемое в глубинах человеческой личности.

Итак, соборность есть гармоничное сочетание свободы и единства на основе взаимной любви как людей друг к другу, так и их любви к Богу, а также любви Бога к людям. Перевес единства над свободой приводит к принуждению, единство превращается в механическое соединение, а следовательно, нарушается свобода. Перевес свободы над единством приводит к субъективному произволу и своеволию, что чревато распадом единства. Только равновесие обоих начал позволяет сохранить свободу каждого при единстве всех.

Поэтому совершенно неправомерно отождествлять соборность с коллективизмом, что является общим местом во многих работах. Коллективизм предполагает приоритет общего над частью, что с неизбежностью ведет к растворению этой части

в целом, общем, к обезличиванию. Соборность же означает не обезличивание, а, напротив, обретение человеком самого себя «...но себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего духовного, искреннего единения со своими братьями, со своим Спасителем» [10, т. 1, с. 114, 115], ибо утверждение себя во всеобъемлющем единстве есть не умаление личности, а максимальное раскрытие заложенных в ней потенций, ее бесконечное обогащение, так как человек «подключается» не только к опыту всего человечества, но общается с самой Истиной.

Иными словами, для славянофилов, исходивших из религиозных корней личности, человек – не атомарный индивид, а личность, причастная Богу, а тем самым открытая всему миру. Ибо только через связь с Богом как источником бытия можно ощутить внутреннее единение с бытием вообще и другими людьми, тем самым прикоснувшись к иной, духовной реальности, или соборности. Таким образом, личность и соборность – два равноправных, взаимоопределяющих друг друга начала: как без личности нет соборности, так и без соборности нет личности.

Коллективизм же есть внешнее механическое объединение, извне скрепляющее людей, и чтобы оно могло существовать, люди неизбежно должны ограничивать свои притязания в отношении друг друга, тем самым «умалая» себя. Соборность не знает этой проблемы, так как для духа нет преград.

Поэтому С.С. Хоружий называет соборность высшей ступенью того пути, который проходит человек: род – индивидуальность – соборность [13, с. 292]. Но это также означает, что человек достигает соборности через раскрытие своей индивидуаль-

ности, т. е. индивидуальность, индивидуализм есть неизбежный и важный этап движения к соборности, так как на этом этапе происходит личностный рост, обретение человеком своего «я», осознание своей неповторимости, уникальности, непохожести на других. Но это пока еще не личность, а, по выражению Хоружего, «предличность», ибо личность раскрывается только в соборности. Иными словами, индивидуализм есть преодоление рода, выделение себя из общего ряда, из нерасчлененного единства.

В свою очередь, соборность есть преодоление индивидуализма или, говоря словами Сагатовского, своеобразное снятие в себе «зарвавшейся индивидуальности» [4, с. 121], ибо индивид, склонный к сосредоточению исключительно на себе, на своих особенностях, потребностях, желаниях, видит только себя, замыкается в себе и противопоставляет себя всему миру, рассматривая себя как абсолютную первичность, а других – как средство решения своих проблем.

Путь движения к соборности от рода, который, по сути, тот же коллективизм, через индивидуальность можно сопоставить с этапами взросления человека от детства к зрелости. В раннем детстве маленький ребенок абсолютно зависит от матери, с которой тесно связан и которая несет полную ответственность за него. Ребенок не способен выжить без взрослых, поэтому страх остаться одному, без поддержки взрослых – самый главный его страх. В юности при переходе от детства к взрослости происходит отделение взрослоющего ребенка от родителей, начинается его самостоятельная жизнь. Зачастую этот процесс происходит непросто, оборачиваясь бунтом против взрослых, отрицанием сложившихся устоев и ценностей и противопоставлением себя

всем и всему. Но этот этап очень важен для самопознания и саморазвития, поиска собственной идентичности.

В зрелости мы имеем дело со взрослым, сложившимся человеком. Он знает, кто он и что он, и способен взять ответственность не только за себя, но и за других. Именно на этом этапе у человека появляется потребность не столько брать, сколько отдавать. Понятно, что речь идет о некоей идеальной схеме, на практике многие «застревают» не только на второй, но и на первой стадии.

Таким образом, коллективизм можно сравнить с детством, с жизнью с неразрванной пуповиной. Индивидуализм можно рассматривать как переход от детства к взрослости через осознание своей отдельности, самоценности, как некую замороженность этим состоянием. Соборность же есть зрелость или взрослость, когда человек обретает ощущение духовной связи с другими («нераздельность»), оставаясь при этом «неслиянным» с ними, будучи полноценной личностью.

Впоследствии идею соборности в своих трудах развивали многие представители русской религиозной философии, в частности С. Франк, один из авторов знаменитого сборника «Вехи», ставшего фактически манифестом русского консервативного либерализма. Франк исходил из того, что общественное бытие имеет два уровня: внутренний и наружный. Именно внутренний слой и есть подлинная реальность, лежащая в основе общественного бытия.

Вполне в духе славянофилов Франк критикует индивидуализм за превращение «я» в абсолютную первичность, «единственную инстанцию». При этом он никоим образом не умаляет ценности человеческой личности, не отрицает единствен-

ности и неповторимости «я». Более того, Франк подчеркивает, что «я» существует как уникальное, отдельное «я» «не в силу своего самодовления, своей утвержденности в самом себе, а именно в силу своего отделения, обособления от иного “я”, т. е. “ты”, и, следовательно, своей связи с ним в самом этом противостоянии» [8, с. 50]. Иными словами, именно существование «ты» придает «я» своеобразие и уникальность, т. е. «я» без «ты» не может существовать, как немислимо «левое» без «правового».

Абсолютизация же «я» приводит, по мысли Франка, к тому, что общение становится невозможным вообще, поскольку для «я» весь окружающий мир представляется как «не я», как безжизненный объект. И «ты» для такого воззрения есть категория несуществующая. Из этого следует, замечает Франк, что «“ты” должно быть не извне дано мне, быть для меня не объектом... а первичным и исконным образом, “изнутри” присуще мне» [8, с. 50].

Именно наличие в «я» и «ты» некоего «исконного первичного единства» и дает возможность встретиться двум сознаниям. Франк для обозначения этого первоначала вводит понятие «мы». «Но, – подчеркивает он, – “мы” не есть грамматическая частица, а именно множественное число 1-го лица, т. е. “мы” – совсем не сумма “я”, так как “я” уже в силу своей единственности и неповторимости не может иметь множественного числа, а “мы” есть единство 1-го и 2-го лица, как единство “я” и “ты”, некое целое, которое присутствует и в “я” и в “ты”» [Там же, с. 51]. Таким образом, «мы» столь же первично – не более, но и не менее, чем «я». Оно не производно в отношении «я»..., а есть исконная форма бытия, соотносительная «я» [Там же, с. 52].

Иными словами, единство «я» и «мы» отнюдь не означает их неразличимой слитности. И «я» и «мы» есть два самостоятельных, равноценных начала, взаимно определяющих друг друга, где умаление одного влечет за собой умаление другого. Целое не только неразрывно объединяет части, но наличествует в каждой из своих частей. Поэтому эти две инстанции, единство целого и самостоятельность каждой части, не конкурируют между собой, не стесняют и не ограничивают одна другую. Это живое органическое единство, внутреннюю пронизанность единичного общим, их гармонию и согласованность Франк и называет соборностью.

Реальность, с которой мы имеем дело в повседневной жизни, казалось, говорит нам об обратном: об отсутствии всякого единства и гармонии, о борьбе разрозненных интересов, о постоянных столкновениях между людьми. Но это есть то, что Франк называет поверхностным, наружным слоем общественного бытия, который не является адекватным воплощением соборности. Соборность в эмпирической общественной жизни может либо вообще не проявляться, либо находить в ней лишь слабое свое отражение. В этом и заключается, по его мнению, «подлинный трагизм человеческого существования, подлинное несоответствие между его эмпирической реальностью и его онтологической сущностью» [Гам же, с. 54].

Но именно соборность составляет подлинную основу общественного бытия, крепит его изнутри, не давая ему распасться на отдельные части. Франк подчеркивает, что эти два слоя общественного бытия есть «не разные конкретные формы общества, а разные моменты общественного бытия, необходимо совместно присущие всякому об-

ществу» [Гам же, с. 57]. Эта двойственность общественного бытия вытекает из изначальной двойственности духовной (внутренней) и физической (внешней) природы человека. Но как человек представляет собой единство души и тела, где именно духовное начало, сопричастное абсолютной сверхчеловеческой реальности, определяет его подлинное своеобразие, так и два уровня общественного бытия не могут существовать порознь: второй, внешний, имеет своей основой внутреннее, органическое единство или соборность.

Франк неоднократно повторяет парадоксальное на первый взгляд определение человека как существа, который на самом деле есть нечто большее, чем человек, подразумевая, что его подлинной сутью является духовное начало [Гам же, с. 76, 77]. Поэтому только выход за пределы своего эмпирического существования, возвышение над самим собой и есть истинное осуществление своего «я». Франк, так же как и славянофилы, исходит из того, что именно в соборности раскрывается человеческая личность, происходит подлинная самореализация человека. Но не за счет другого, а вместе с ним, когда другой начинает осознаваться как условие собственного существования, ибо только в соборности человек начинает воспринимать другого не как «не я», т. е. как нечто чуждое и враждебное мне, а как «иное я», т. е. подобное мне, близкое мне, совпадающее со мной в духовной сущности. В работе «Непостижимое» он пишет, что человек является личностью «в той мере, в какой он может что-либо “дать” другому, тогда как замкнутость в себе есть “утрата личности”» [9, с. 413].

Итак, соборность, по Франку, составляет «жизненное содержание» самой лич-

ности, которая духовно питает и обогащает ее, несколько не умаляя ее при этом, а, напротив, «расширяя» личность. Таким образом, «я» и «мы» неразрывно связаны между собой, не могут существовать вне бытия другого, но в то же самое время невыводимы друг из друга, т. е. представляют собой два равноценных начала, не противостоящих друг другу, каждое из которых претендует на абсолютное первенство «...поскольку оба начала сознают себя не как первично-абсолютные, а лишь как производно-абсолютные силы, утвержденные в третьем, подлинном первично-абсолютном начале – Боге» [8, с. 111].

Таким образом, на мой взгляд, очень важно определиться, к чему должно стремиться – к соборности или коллективизму. Ибо это два разнонаправленных вектора: один (коллективизм) означает движение назад, в прошлое, возвращение в историческую тьму, когда человек еще не отделился от общего, рода; другой (соборность) есть движение вперед и ввысь, к свету. Если коллективизм означает смерть личности, так как абсолютизация единства лишает личность ее самоценности, субъектности, превращая ее в средство и тем самым уничтожая ее, то соборность есть возрождение и торжество личности, поскольку в соборности личность не часть целого, а само целое или такая часть, которая тождественна целому. Принимая во внимание вышеприведенную аналогию, замечу: не стоит впадать в детство, пора становится взрослыми.

Литература

1. Белов Г.А. Особенности развития политической мысли России // Кентавр. – 1994. – № 1. – С. 119–138.
2. Бирюков Н.И. Сергеев В.М. Соборность как парадигма политического сознания // Полис. – 1997. – № 3. – С. 65–73.
3. Медушевская Н.Ф. Идея соборности и права // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 44–46.
4. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? – СПб.: Петрополис, 1994. – 217 с.
5. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах А. Валицкого: реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1991. – Вып. 1. – 192 с.
6. Тульчинский Г.А. Российский потенциал свободы // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 16–30.
7. Флоровский Г. Пути русского богословия. – 3-е изд. – Париж: YMCA-PRESS, 1983. – 599 с.
8. Франк С.А. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 510 с.
9. Франк С.А. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
10. Хамяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. – Изд. 3-е, доп. – М.: Университетская типография, 1900. – 408 с.
11. Хамяков А.С. О старом и новом. – М.: Современник, 1988. – 461 с.
12. Хамяков А.С. Сочинения богословские. – СПб.: Наука, 1995. – 479 с.
13. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб.: Алетейя, 1994. – 448 с.
14. Черепанов А. Общинность и соборность [Электронный ресурс]. – URL: <http://baznica.info/article/obshchinnost-i-sobornost-0/> (дата обращения: 31.01.2017).

SOBORNOST AS AN ALTERNATIVE TO COLLECTIVISM

Т.И. Zaytseva

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russian Federation

tatyanazaiceva@mail.ru

The starting point for writing this article was a wide circulation of ideas about the identity of such notions as sobornost and collectivism not only at the level of mass consciousness, but also in the research literature. The purpose of the article is to show the fallacy of such beliefs. The original author's position is that sobornost and collectivism constitute two different traditions - if sobornost, being of a religious origin, is related to the Orthodox spiritual experience, collectivism originated from social and political experience. The author draws attention to the fact that this erroneous assertion is based on misunderstanding that sobornost refers to the metaphysical reality, not the social one. The article outlines the key points of the concept 'sobornost' in the interpretation of A. Khomyakov, and the development of this idea in the writings of S. L. Frank. If collectivism, absolutizing unity, makes a personality 'smaller', thereby destroying it, sobornost, on the contrary, makes a personality "bigger", allowing him/her to fully develop. It is sobornost that helps self-actualizing of a person. It is emphasized that moving towards sobornost as the highest stage of human development is performed through strengthening of individuality. The author draws a conclusion that such a radical convergence of two concepts: sobornost and collectivism entails various scenarios for Russia's future.

Keywords: sobornost, personality, collectivism, individualism, unity, freedom.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-72-79

References

1. Belov G.A. Osobennosti razvitiya politicheskoi mysli Rossii [Features of development of political thought in Russia]. *Kentavr – Centaur*, 1994, no. 1, pp. 119–138.

2. Biryukov N.I. Sergeev V.M. Sobornost' kak paradigma politicheskogo soznaniya [Sobornost as a paradigm of political consciousness]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*, 1997, no. 3, pp. 65–73.

3. Medushevskaya N.F. Ideya sobornosti i prava [Idea of conviviality and the law]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2010, no. 13, pp. 44–46.

4. Sagatovskii V.N. *Russkaya ideya: prodolzhim li prervannyi put?* [The Russian idea: whether we will continue the interrupted way?]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1994. 217 p.

5. *Slavophilism and Westernism: conservative and liberal utopia in the works of A. Walicki*. Iss. 1]. Moscow, INION Publ., 1991. 192 p.

6. Tul'chinskii G.L. Rossiiskii potentsial sobody [Russia's potential freedom]. *Voprosy filosofii –*

Russian Studies in Philosophy, 1997, no. 3, pp. 16–30. (In Russian)

7. Florovskii G. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. 3rd ed. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1983. 599 p.

8. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 510 p.

9. Frank S.L. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 608 p.

10. Khomyakov A.S. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 1 [Complete works. Vol. 1]. 3rd ed. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900. 408 p.

11. Khomyakov A.S. *O starom i novom* [On the old and new]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988. 461 p.

12. Khomyakov A.S. *Sochineniya bogoslovskie* [Essays theological]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 479 p.

13. Khoruzhii S.S. *Posle pereryva. Puti russkoi filosofii* [After the break. Ways of Russian philosophy]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1994. 448 p.

14. Cherepanov A. *Obshchinnost' i sobornost'* [Community and Sobornost]. Available at: <http://baznica.info/article/obshchinnost-i-sobornost-0/> (accessed 31.01.2017)